

Прошло около двух часов времени после того, как очередная учинённая юберфогелями попытка окончательного решения страусиново вопроса провалилась с громким треском, пока Мирон проторчал в холодной, грязной воде на дне канавы. Пепе де Лью меж тем тоже валялся, распластавшись на ласковой траве, устав донельзя. И пусть майские дни длинны, но солнце уже клонилось к закату. Небо пусть ещё не успело зажечься кроваво-алой полосой на фоне уходящего в подземные гrotы освещающего мир диска, но облака нежно розовели.

На голову страуса прыгнула большая лягушка, преследуя пробудившуюся мошку и желая её проглотить своим длинным, ловким языком.

-Ква-ква! - проквакала она.

-Кхе-кхе... - откашлялся Мирон, подняв свою голову, закреплённую на длинной страусиной шее. Холодная, тускло-зелёная трёхмерная лягуха, испугавшись ожившей кочки, спрыгнула с него на свод ямы, после чего поскакала за удиравшей мошкой дальше, громко квакая. В голове возникла мысль: "Ну что за гадость по мне прыгает?". Кто-то любит лягушек, но Мирону они явно по нраву не были. В густой траве наверху, что шелестела от лёгких порывов ветерка, готовились устроить свою ночную песнь крохотные сверчки, медленно сползаясь толпою. Вдалеке раздавался шум самолёта, летевшего высоко-высоко. Где-то порхала бесшумная бабочка-лимонница. По другую сторону канавы подымалась столбом дорожная пыль, которую колебали автомобили всех расцветок и форм. Где-то чернел одинокий мёртвый куст, попавший невпопад на фон кишачего всяческой жизнью разнотравья. Кругом цвели первые цветы полевые. Но не был способен насладиться дорожный бегун Мирон, утомлённый жаркой погоней да весом седока и потерявший сознание от его чудовищной вони, неторопливой симфонией природы.

В его глазах возник двоящийся, размытый силуэт скунса, который окатил его грязной водицей из канавы.

-Вставай, гнида!

-Что... тебе... надо... Ты не... видишь... что мне совсем фигово... - сказал Мирон. - Оставь... меня... в покое... умоляю... Мне надо... оклейматься... немного...

-И поделом. Не смей больше оскорблять моё амбре, мой нежный запах!

-Я вообще-то тебя... спас от медленной... и мучительной смерти. - протяжно сказал Мирон.

-Нет, это я тебя спас! Понял? - сказал Пепе де Лью и отвесил Мирону смачную пощёчину. От неожиданности дорожный бегун вновь рухнул в затхлую, противную воду.

-Ты что творишь, негодяй...

-Проси прощения. - сказал Пепе де Лью, встав задом к Мирону, приняв угрожающую стойку.

-Прости меня за все мои прегрешения, вольные и невольные... - прошептал Мирон.

-Слишком пафосно, но сойдёт. - сказал Пепе. - Давай, вылезай, я тебе помогу.

-Хорошо. - сказал Мирон.

-Вот только ты тяжёлый... паскуда пернатая... - произнёс, кряхтя и чертыхаясь, скунс, вытаскивая страуса из глубокой канавы. Наконец, управившись с этой тяжёлой работой, Пепе де Лью сказал:

-Теперь вставай.

Мирон кое-как поднялся, взглянул на уходившее с лазурных высот наземь солнце и сказал:

-Твой запах просто чудесен.

-То-то же. - сказал Пепе де Лью.

-Дай, я пожму тебе лапу в благодарность то, что меня спас. - сказал Мирон.

Мирон двинул своей задней лапой и пожал её. Теперь Пепе де Лью произнёс:

-А теперь нам надо догнать мою любовь.

-Давай, может, хоть посидим на дорожку и посмотрим на закат? - предложил Мирон Пепе.

-Ну, давай.

На нос Пепе де Лью села мошка, и тот её хлопнул. В покинутой канаве, из которой скунс едва-едва вытащил страусиную тушу, квакали спящие тут и там лягушки. На самом дне медленно ползла большая трёхмерная улитка. Вокруг пахло прохладой. Цветы отдыхали. Небо блеснуло горячее, ярчайшей киноварью; наверху нежно темневшего купола прорезался серп стареющей луны. Плоская гладь асфальта глухо чернела. В воздух поднимался дым, пыль и густые облака выхлопов; блестели фары, освещавшие дорогу путникам. Сверчки готовились к своему традиционному ночному концерту. Шелестели листья, скрипел одиноко торчавший, окружённый цветочным ковром со всех сторон, мёртвый куст. Загорелся огонёк внутри бревенчатого сарая на горизонте и тут же погас.

-Красиво...

-Да. - заявил Пепе де Лью.

Посидев немного и восполнив свои силы, Мирон и Пепе де Лью были готовы к дальнейшему своему путешествию вдоль трассы.

-Значит, погнали! Садись на меня.

Пепе де Лью сел на Мирона, и они поскакали. Стволы редких деревьев, опоры линий электропередач и столбы проскакивали мимо глаз пулей, небо темнело, а киноварь горизонта, игриво сверкнув напоследок, потухла - ночь вступала в свои права. Поле, бескрайнее поле, освещала стеснительным блеском ярко-белая, словно росчерк мелом на школьной доске, луна. Огни фар стремительных машин и рыжий свет ночных фонарей сливались друг с другом на огромной скорости, создавая странную цветомузыку. Запели сверчки.

Так они прибежали к какой-то будке неподалёку от Оренбурга, ранее носившего имя Чкалов. Именно возле той самой Оренбургской крепости произошли описанные пушкинским пером события "Капитанской дочки". Вывеска у входа в эту будку гласила: "Ye olde chillin' Stereo Club'n'Shoppe, kool boyz n gorlz". Либо надпись объединяла в себе худшие черты староанглийского времён великого Шекспира и модного(ну или уже совсем-совсем немодного) молодёжного сленга, либо владелец сего заведения совершенно не знает языка не имевшей совести в политике хищной, угнетавшей бесчисленное число невинных народов англосаксонской расы.

И по зловещей иронии судьбы именно взбунтовавшиеся против своей метрополии британские колонисты создали большую часть анимационных кадавров, которые расползлись так же активно, как владения британской короны во времена стародавние и базы восставших против них когда-то американцев во времена недавние.

В то время, как угнетаемые ими народы так и не смогли ничего путного нарисовать... Где же справедливость?

"Впрочем, если справедливость всегда будет торжествовать, настанет сплошная тирания" - заявил как-то Шнурок своему другу Барсику Линденбауму. Точнее, просто Барсику, потому что о его настоящей фамилии суслик, потомок суриката Тимона, ещё не знал.

-Всё. Я устал. Спокойной ночи. И ещё раз спасибо за всё. Би-бип. - сказал дорожный бегун Мирон, завалился у стены будки и заснул мертвецким сном. Пепе де Лью, недолго думая, последовал его примеру.

Страусу начал сниться прекрасный сон про то, как он вальяжно плескался в бассейне с вкусным лимонадом, которым он наполнял свою пивную кружку, что он одним глотком опорожнял, а проигрыватель играл песни Верки Сердючки...

Из глубокого нутра будки с железной дверью и смешной для любого знающего английский язык вывеской доносился несмолкавший гангста-рэп, но даже он не мог нарушить

наступившее спокойствие, которое нарушит лишь завтрашнее утро.

<http://tl.rulate.ru/book/66622/1794935>